От песчинки до елочной макушки

Гайда Рейнгольдовна Лагздынь

SHOUT
SHARE
IT

-
- СИЛИКОНА
- НА СТЕКОЛЬНОМ ЗАВОДЕ
- РАССКАЗ ХЛОПУШКИ
- СТАРШИЙ ГНОМ И ЕГО ДРУЗЬЯ

Гайда Рейнгольдовна Лагздынь

ОТ ПЕСЧИНКИ ДО ЕЛОЧНОЙ МАКУШКИ

СИЛИКОНА

Жила на свете маленькая частица по имени Силикона. Однажды у обрыва, в котором жила Силикона, остановился человек.

— Какая крупная да прозрачная! Просто прелесть! — сказал он, увидев песчинку.

Через несколько дней пришел другой человек и взял песок на анализ. Потом появились машины-экскаваторы. У каждой машины — по одной длинной руке с большими плоскими и острыми пальцами. Экскаваторы черпали песок и переносили в кузова машин. Так маленькая Силикона оказалась в большой песчаной куче.

В подготовительном цехе стекольного завода песчинка познакомилась с известняком и мелом. С этими приятными, крошечными раковинками. Силикона очень удивилась, узнав, что раковинки — симпатичные белые завитушки — хотя и маленькие, а очень старые. Им было несколько миллионов лет.

На заводе Силикона встретила и приятельницу глину. Всегда мягкая и податливая, глина почему-то стала твердой как камень. С ней стало невозможно говорить!

В плотных мешках сидели белые и важные родственники металлов — плюмбовичи и магниевичи. Потом в цех привезли соду. Сода без умолку трещала. От такой трескотни ее кристаллы рассыпались в белый порошок. Но это соду нисколечко не смущало.

— Вот вы: песок, глина, мел, известняк, — торопливо говорила сода, — природного происхождения, так сказать, земные! Меня же в природе почти нет. Я повторяю — почти! А без соды стекла не сваришь! Первую стекляшку человек сотворил шесть тысяч лет тому назад. Из Африки финикийские купцы везли меня, соду. Плыли по Средиземному морю мимо песчаного острова... Увидев остров, купцы решили передохнуть от морской качки, сойти на берег, развести костер и приготовить на земле ужин. Высадились, стали искать камни для очага. А камней нет, Кругом один желтый песок.

Притащили моряки с корабля несколько больших кусков соды, обложили костер, приготовили ужин. Утром разгребли золу, чтобы раздуть огонь, и увидели под остывшими углями твердый, прозрачный, как вода, слиток. Подняли его. На солнце слиток засверкал, заиграл всеми цветами радуги. Ахнули

купцы, но догадались, что прозрачный камень возник из соды, песка и огня. Так люди впервые увидели стекло.

— Вот что я знаю! — трещала сода. — Так что, кумушка-соседушка, песчинка Силикона, мы очень нужные вещества. Да и без вас, мои друзья, глина, мел, известняк, дорогие уважаемые родственники металлов, стекла не сваришь!

— Мы, — буркнула жесткая глина, — сырье!

НА СТЕКОЛЬНОМ ЗАВОДЕ

На стекольном заводе интересно. Сначала сырье дробят, потом просеивают, взвешивают, а уж потом высыпают в большой ящик-бункер. Из бункера - в печку, где варится стекло. В печке ярко, красиво, но слишком жарко.

Жидкое горячее стекло — это раскаленная желто-красная река. Большие огненные каплищи отмеряются машиной и попадают в форму. Формы обжимают капли, превращая жидкое стекло в стаканы, вазочки, во флаконы для духов, в бутылки. Да мало ли во что еще?

Раскаленные докрасна изделия остывают, бледнеют и попадают на движущийся половичок-конвейер. С него — снова в печку, для закалки, чтобы не лопались. А уж потом — на сортировку и упаковку.

Силикона попала не в графин, не в вазочку, не в бутылку, а в длинную трубку, которую называли пулькой.

— Счастливая партия! — сказала молодая упаковщица. — Поехали на Завидовскую фабрику игрушек.

Силикону действительно повезло. Какой песчинке, пусть и в новом виде, не хочется жить в яркой и красивой елочной игрушке?

Работница взяла в руки стеклянную трубку-пульку, нагрела на газовой горелке. Трубка покраснела, раскалилась, стекло размякло. Работница растянула трубку, получилось две, с остренькими кончиками. Это — заготовки для будущих елочных макушек. Затем работница еще раз нагрела трубку с острым концом и слегка в нее подула. Размягченное стекло на глазах превратилось в шар. Передвинула работница трубку дальше в пламя, снова нагрела, снова подула — образовался другой шар. Приложила к нему штамп из металла, получилась вмятина. В каждом шаре сделала по четыре вмятины. Трубка превратилась в макушку для елки.

Но макушка еще не готова. Это только стеклянная заготовка. Чтобы она стала яркой и нарядной, придется еще много поработать художникам.

РАССКАЗ ХЛОПУШКИ

— Вы раньше никогда не жили в магазине? — спросила хлопушка у рулона цветной бумаги. — Нет, не в гастрономическом, а в игрушечном? В игрушечном очень даже интересно, особенно ночью. Как только погаснет свет, на прилавках, в ящиках, на полках начинается возня. Не верите? А откуда берутся разбитые елочные украшения? Лопнувшие надувные шарики? Оторванные уши у зайцев? Отклеившиеся пуговки на мордочках у медведей? Не знаете? А я знаю. Это все гномы! Их проделки! Они в каждом магазине живут, маленькие человечки с проворными ручками и ножками, розовыми толстыми щеками, в колпачках с кисточками, — закончила рассказ пустая завистливая хлопушка.

СТАРШИЙ ГНОМ И ЕГО ДРУЗЬЯ

Вот и сейчас гном вылез из-под старого диванчика и направился к ящику с игрушками. Из-за пианино выглянул ушастый зайчишка.

— Гном! — шмыгнул заяц носом. — Пора елку наряжать.

Старший из гномов засунул в рот два пальца, молодецки свистнул, на прилавок высыпало еще шесть гномов. Они мигом притащили елку, правда, не настоящую, синтетическую.

— Звень, звень! Разрешите? — постучал старший гном по ящику, в котором лежали елочные игрушки.

— Входите! — ответила цветная макушка. — Входите, если сможете.

— Мы на минуточку, хотели только взглянуть, — смутился гном, увидев необыкновенно красивую макушку. — Откуда вы, позвольте узнать?

— Мы завидовские, — зазвенели елочные.

— Завидовские?! Сразу видно — завидные!

— Завидные! — хором поддакнули остальные гномы. — Завидные!

— А почему вы такие блестящие и яркие? Как это вас так сумели сделать? — спросил самый маленький из гномов.

— Рассказать? — звенькнула красивая цветная макушка. — Про стекло, конечно, знаете?

— Слышали, — степенно ответил старший гном.

— И били, — добавил маленький. — Не нарочно, конечно, случайно.

— В старое время, — сказал один из средних гномов, — в стене дома вместо окна была дыра, затянутая бычьим пузырем.

— А теперь, — хмыкнул маленький, — куда ни сунься, все стекло да стекло. Живешь, как на витрине.

— Вы продолжайте, уважаемая макушка, — старший гном незаметно дернул маленького за полу кафтанчика.

— Так вот, — сверкнула макушка блестящей щечкой. — Мы сделаны из стекла. А чтобы быть серебряными, нас алюминием покрыли.

— Каким алюминием? Из которого кастрюли делают? — спросил третий гном. — Вас прямо в куски заворачивали?

— Зачем в куски? — возмутилась макушка. — Вы серебряную бумагу видели? Тонкую, в которую шоколад упаковывают? Или потолще — крышки на молочных бутылках? Эти тонкие пластинки сделаны из металла алюминия и называются алюминиевой фольгой.

— Теперь ясно! — снова хмыкнул самый маленький из гномов.

— Чтобы нас покрасить, — продолжала стеклянная макушка, — фольгу режут на узкие полоски длиной в один-два сантиметра. Полосочки развешивают на спиральках, как на веревке белье. Спиральки же — из самого тугоплавкого металла — вольфрама.

Висят алюминиевые полосочки на вольфрамовых спиральках в специальной камере, где на подставках стеклянные заготовки будущих игрушек. Как только камеру закроют, включат ток, загораются красные, зеленые, синие огоньки. По этим огонькам — глазам камеры, рабочие и узнают, правильно ли идет покраска стекла алюминием.

— Дело в том, — звенела стеклянная макушка, — что от электрического тока накаляются вольфрамовые спиральки. Алюминий от большой, жары превращается в алюминиевый пар. Пар этот оседает на прозрачном стекле. Получаются серебряные шарики, шишки, деды-морозики или елочные макушки.

— А вот у вас, — почтительно показал старший гном, — по бокам малиновые вмятины. И вся вы такая румяная! Как это получилось?

— Очень просто! — снова зазвенела веселая макушка. — Нас лаками обливали. А где вмятины, из пульверизатора фыркали.

— А откуда ромашки на вашем платье? — спросил шестой из гномов.

— Художница кисточкой нарисовала!

— Как интересно! — запрыгал опять самый маленький из гномов.

— Интересно-то, интересно, да скоро утро! — вздохнул четвертый.

— Смотрите! — крикнул пятый. — На часах стрелки внизу, и реклама погасла. А мы елку так и не нарядили!

— Правда! — сверкнула красивая елочная макушка двумя разрисованными шарами.

— Точно, не нарядили, — тряхнул ушами заяц, прыгнув за пианино.

— До вечера, гномы! — свистнул старший и исчез под мягким диванчиком.

На прилавке же остались лишь зеленая пушистая елка, рулончик цветной бумаги да раскрашенная пустая хлопушка.